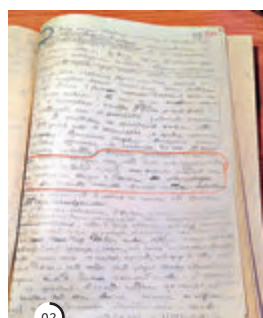

Текст: Семен Экштут, доктор философских наук

ШТАБС-КАПИТАН ВАСИЛИЙ ЦЕЙТЛИН: ГДЕ БЫ НИ БЫЛИ ТЯЖЕЛЫЕ УСЛОВИЯ, Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ТУДА ВЛИПАЮ

ОКОПНАЯ ПРАВДА КОМАНДИРА БАТАРЕИ ОПРОВЕРГАЕТ ОФИЦЕРСКУЮ ФИЛОСОФИЮ
ЛЬВА ТОЛСТОГО, НО УДИВИТЕЛЬНО РИФМУЕТСЯ С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ЧЕХОВА И КУПРИНА

С

Само название стильно изданной и хорошо иллюстрированной книги Василия Михайловича Цейтлина (1888–1933) «Дневник штабс-капитана. 1914–1918», в конце 2021 года выпущенной фондом «Связь Эпох», сразу настраивает вдумчивого читателя на вполне определенный лад — на восприятие прежде всего «окопной правды» Первой мировой войны. Поэтому не будет разочарован тот, кто хочет посмотреть на события этой войны любопытными глазами младшего армейского офицера.

Взгляд из окопа и сквозь время

Существует устойчивый миф, что любая «окопная правда» всегда страдает весьма существенным и принципиально неустранимым недостатком — узостью сектора обзора наблюдателя, который не может «отрешиться» от своего ограниченного субъективного опыта и «воспарить» над ним, чтобы ощутить подлинный масштаб происходящих событий.

Сила вещей способствовала укоренению этого мифа. В течение двух столетий жизнь млад-

°1, 2
Обложка книги В.М. Цейтлина «Дневник штабс-капитана. 1914–1918» и рукопись его дневника.

°3
Штабс-капитан Василий Цейтлин с орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом и знаком 5-й батареи 7-й артиллерийской бригады. 1916 год.

шего офицера на войне не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. «Мы знали только наши взводы: фронтовой офицер только тогда узнает, что за дело, в котором предстоит ему помериться с противною силою, когда носом наткнется на неприятеля, или когда ядра и картечь начнут приветствовать его»¹. Так с предельной скромностью вспоминал о своем участии в Заграничных походах 1813—1814 годов и взятии Парижа прапорщик лейб-гвардии Литовского полка Николай Иванович Лорер, ставший впоследствии декабристом. И с этим утверждением трудно спорить. Полагаю, что творцы советской «лейтенантской прозы», прошедшие через горнило Великой Отечественной войны, подписались бы под каждым словом Лорера. Однако другой декабрист, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка Иван Дмитриевич Якушкин, участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов, сменил ракурс и философски посмотрел на свой индивидуальный опыт в масштабе большого исторического времени.

«В 1814 году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед»².

Несомненное приращение нового знания, содержащееся в «Дневнике штабс-капитана», заключается в том, что Василию Цейтлину удалось совместить несовместимое. С одной стороны, весьма красочно поведать неприукрашенную правду о Первой мировой войне и Великой русской революции, а с другой — «воспарить» над своим личным опытом и разглядеть исторический смысл грандиозных событий, участником и свидетелем которых был автор дневника, и чьи отдаленные последствия мы ощущаем до сих пор. Жизнь и судьба боевого артиллерийского офицера взрастили этот уникальный памятник исторической мысли: в нем сосуществуют, не противореча друг другу, и линия Лорера, и линия Якушкина.

Но этим уникальность памятника не исчерпывается. «Дневник штабс-капитана» прекрасно рифмуется с целым рядом классических литературных произведений, без которых невозможно представить себе историю отечественной культуры.

Рифмы судьбы

Василий Михайлович Цейтлин («Родина» уже писала о нем в № 3, 2015)³ с детских лет был связан с артиллерией. Он родился в семье военного доктора, старшего врача 4-й артиллерийской бригады, и как впоследствии писал в автобиографии: «Детство провел в глухих гарнизо-

нах бывшего Царства Польского»⁴. С первых лет жизни Василий Цейтлин был хорошо знаком с трудами и днями артиллерийских офицеров и их тусклой повседневной жизнью.

Какая удивительная рифма судьбы! В 1888-м, в год рождения Цейтлина, в сборнике рассказов Антона Павловича Чехова был опубликован рассказ «Поцелуй», впервые напечатанный в декабре 1887 года в газете «Новое время» и еще при жизни автора причисленный одним из критиков к «перлам русской литературы». Включая рассказ в сборник, Чехов в письмах брату дважды сформулировал свою непреклонную авторскую волю: «Поцелуй» должен быть в конце книги, последним. Так важен он был для Чехова, полагавшего, что у образованных людей, живших в «глухие» 1880-е, нет никаких жизненных перспектив. Если в начале небольшого рассказа его главный герой «обыкновенный человек» ар-

° 4
Кадет Цейтлин (второй слева) с товарищами по Суворовскому кадетскому корпусу.

° 5
Юнкер Цейтлин в период обучения в Александровском военном училище. 1907–1908 годы.

ЦЕЙТЛИНУ УДАЛОСЬ СОВМЕСТИТЬ НЕСОВМЕСТИМОЕ — ОКОПНУЮ ПРАВДУ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ С ИСТОРИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ГРАНДИОЗНЫХ СОБЫТИЙ, УЧАСТНИКОМ КОТОРЫХ ОН БЫЛ

тиллерийский штабс-капитан Рябович, который служит в глухой провинции, еще на что-то надеется и рассуждает о своей обыкновенной жизни вполне оптимистично, то в конце рассказа офицер утрачивает эту призрачную иллюзию: «и его жизнь показалась ему необыкновенно скудной, убогой и бесцветной...»⁵

Именно такая и только такая убогая офицерская жизнь ожидала Василия Цейтлина, после окончания Александровского военного училища в Москве направленного служить в артиллерийскую бригаду, которая первоначально дислоцировалась в Царстве Польском, а затем была переведена в Тамбов.

И еще одна поразительная рифма судьбы! В 1933-м, в год смерти Цейтлина, в Париже вышло первое отдельное издание романа Александра Ивановича Куприна «Юнкера». В романе, действие которого происходит в Москве конца 1880-х, автор устами командира четвертой роты капитана Фофанова (юнкера за глаза именуют его Дроздом) объясняет выпускнику Александровского училища юнкеру Алексею Александрову, не желающему поехать на рождественский бал в Екатерининский институт благородных девиц, какая безотрадная офицерская судьба ожидает его в ближайшем и отдаленном будущем: «Летом выйдешь в офицеры. Придется тебе надолго, если не навсегда, законопатиться в каком-нибудь Проскурове или Кинешме, и никогда ты в жизни не увидишь подобной прелести и красоты. Ну, разве воинская доблесть вытянет тебя вверх или чудом попадешь в Академию, тогда — может быть...»⁶

Именно это и произошло с Василием Цейтлиным, мечтавшим о поступлении в Императорскую Николаевскую военную академию и перед

полета. Спустя полтора года после начала войны этот навык весьма пригодится Василию Михайловичу, когда он станет штабным офицером.

«Есть упоение в бою!»

Война стала его стихией, и он в полной мере испытал «упоение в бою», воспетое Пушкиным. «Батарея работает хорошо. Война учит очень быстро. ...На стрельбах мирного времени было интересно стрелять, но разве можно сравнить со стрельбою на войне. Тут весь горишь, чувствуешь, что плохо и тебе и другим будет, если проморгаешь»⁸. Спустя год после начала войны Цейтлин был утвержден в должности командира батареи, то есть занял подполковничью должность. Непрерывно находясь в строю, принял участие во многих боях. Был контужен и отравлен газами. Заслужил четыре боевых ордена — и действительно, воинская доблесть вытнула вверх этого скромного труженика войны, не имевшего ни связей, ни покровителей.

В конце 1915 года уже штабс-капитан Цейтлин сделал резкий скачок по службе: был командирован в штаб I армейского корпуса для исполнения должности обер-офицера для поручений. Командуя батареями, он управлял огнем восьми артиллерийских орудий и отвечал за судьбы нескольких десятков воинов. Перейдя в штаб корпуса, стал заниматься управлением батарей, полков, бригад и дивизий. Совсем иной масштаб деятельности и несоизмеримо больший уровень ответственности за принятие неверного решения. «Насколько, в общем, разница быть рядовым участником боя — в строю, когда делаешь свое маленькое дело, видя непосредственно его результаты, ничего не зная, что делается на других участках, не говоря уже на фронте армии, и здесь, когда не делаешь своего самостоятельного маленького дела, но зато действительно следишь за общей целой картиной боя, получающейся из всей массы разнообразных донесений со всех сторон»⁹.

С этого момента и до конца войны Цейтлин исполнял обязанности офицера Генерального штаба. Заслужил еще два боевых ордена с мечами. Не вырос в чинах, но приобрел бесценный боевой опыт, фактически занимая полковничью должность. Как сказано в его боевой аттестации: «За время продолжительного пребывания в штабе корпуса вполне ознакомился со службой Генерального штаба и с большим успехом выполнял специальные поручения, особенно по организации разведывательной службы. В боевой обстановке отлично разбирается и держит себя доблестно»¹⁰. В годы войны Цейтлин окончил ускоренные курсы Императорской Николаевской военной академии и Великую русскую революцию встретил исполняющим должность начальника штаба 60-й пехотной дивизии, причем командующим дивизией был охарактеризован как офицер выдающийся¹¹.

№ 33. Командир батареи наблюдает за стрельбой.

войной успешно сдавшим предварительные экзамены при штабе округа. Война помешала поступлению и учебе. Первую мировую войну он встретил в чине поручика и в должности старшего офицера артиллерийской батареи. А в самом начале войны «воспарил» — в прямом, а не в переносном смысле слова. 12 сентября 1914 года поднялся на привязанном воздушном шаре на 680 метров для изучения местности. «Как отчетливо все сверху видно. Вот когда действительно получаешь полное представление о карте. Просидел на воздушном шаре два часа, ориентировался по плану крепости и карте полностью»⁷.

Этот, казался бы, вполне заурядный эпизод в офицерской биографии Цейтлина ощутило раздвинул его горизонты и выработал умение смотреть на мир отстраненно — с высоты птичьего

⁶

Командир батареи наблюдает за стрельбой. 1914 год.

Начальник дивизии не погрешил против истины, ибо штабс-капитан Цейтлин самим фактом своего существования, в сущности, подверг сомнению безусловность рассуждений классика русской литературы.

Лев Николаевич Толстой в эпопее «Война и мир» весьма пространно философствует о военной службе. «Ежели бы мог человек найти состояние, в котором он, будучи праздным, чувствовал бы себя полезным и исполняющим свой долг, он бы нашел одну сторону первобытного блаженства. И таким состоянием обязательной и безупречной праздности пользуется целое сословие — сословие военное. В этой-то обязательной и безупречной праздности состояла и будет состоять главная привлекательность военной службы»¹².

Жизнь и судьба Цейтлина противоречат этому в высшей степени категоричному утверждению.

Василий Михайлович — олицетворенное опровержение толстовских рассуждений о военной службе. Да, они справедливы, когда заходит речь о повседневной жизни баловней судьбы. «К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам» (Грибоедов) и к офицерам Генерального штаба обличительные слова Толстого вполне применимы¹³. Автор «Дневника штабс-капитана» с нескрываемой горечью пишет об отсутствии корпоративного единства в офицерском корпусе Императорской русской армии:

«Все и везде считают штабных людьми, а остальные — это единицы в боевом составе, цифры в графиках»¹⁴.

Нравственный выбор интеллигента

Толстой утверждал, что военная служба мирного времени фактически освобождает офицера от всех нравственных преград, позволяя ему непрестанно находиться «в хроническом состоянии сумасшествия эгоизма». С нескрываемым сарказмом автор «Воскресения» объяснял, каким казуистическим образом офицеры оправдывали свою праздность во время мира: «Мы готовы жертвовать жизнью на войне, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простительна, но и необходима для нас. Мы и ведем ее»¹⁵.

Однако военный интеллигент Цейтлин был личностью иного склада. Он всегда высоко держал нравственную планку собственной системы ценностей и никогда — ни в дни мира, ни в сражениях Великой войны — не оставался праздным, а много и самозабвенно трудился. Начальство заметило это и стало посылать не имевшего протекции офицера туда, где было трудно, куда не пошлешь изнеженного и самовлюбленного барчука. «Удивительно все-таки моя судьба, всегда и везде на шею ложатся самые тяжелые обязанности, начиная с первого года службы, где бы ни были тяжелые условия, я обязательно туда влипаю»¹⁶.

07

АВТОР «ДНЕВНИКА ШТАБС-КАПИТАНА» С НЕСКРЫВАЕМОЙ ГОРЕЧЬЮ ПИШЕТ ОБ ОТСУТСТВИИ КОРПОРАТИВНОГО ЕДИНСТВА В ОФИЦЕРСКОМ КОРПУСЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РУССКОЙ АРМИИ

08

Многогранный жизненный и боевой опыт, умение объемно и рельефно осознавать и формулировать жизненные проблемы — все это помогло штабс-капитану Цейтлину в судьбоносный момент посмотреть на происходящее с высоты птичьего полета, оценить события Великой русской революции в масштабе большого исторического времени и однозначно ответить на извечный для русской интеллигенции вопрос «Что делать?»

3 марта 1918 года, когда в стране уже началась Русская смута, Василий Михайлович четко зафиксировал в дневнике свой нравственный выбор:

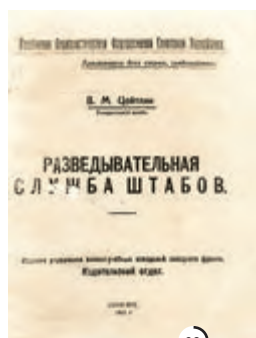
«Как слепы или, вернее, близоруки многие, благодаря озлоблению против большевиков — страшно желают прихода немцев. Какой толк,

°7

Удостоверение обер-офицера Василия Цейтлина. 1917 год.

°8

Занятия по службе связи (руководитель занятий Цейтлин — крайний справа).

09

10

11

ДАЖЕ В 1921 ГОДУ, ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ВСЕХ ЦАРСКИХ ЧИНОВ И ЗВАНИЙ, ЦЕЙТЛИН С ГОРДОСТЬЮ НОСИЛ СЕРЕБРЯНЫЙ ЗНАК ВЫПУСКНИКА АКАДЕМИИ С ДВУГЛАВЫМ ОРЛОМ

ведь только для того, чтобы ему, мне было лучше на время моей жизни и, пожалуй, это будет. Но ведь теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий, для этого надо сосредоточиться спокойно, без злобы, уйти от всех ужасных подробностей. И у меня часто бывали мысли, пусть уж лучше немцы... Но теперь я все же пришел к заключению. Пусть лучше вся Россия будет советской республикой, лишь бы ее не рвали по частям, и не попала она под немецкое ярмо»¹⁷.

И каковы бы ни были обстоятельства времени и места, когда эти слова были написаны, итоговый вывод по сию пору сохраняет свою актуальность, помогая каждому из нас сделать свой нравственный выбор в постоянно меняющемся мире. Поэтому «Дневник штабс-капитана» — это не только первоклассный памятник исторической мысли, но и чрезвычайно актуальная современная книга, которой суждена долгая жизнь в большом историческом времени.

Цейтлин прочно связал свою судьбу с Красной армией, в рядах которой ухитрился сохранить свою самобытность: даже в 1921 году, через несколько лет после отмены всех царских чинов, званий и знаков отличия, он с гордостью носил серебряный знак выпускника академии с двуглавым орлом. Успешно занимался вопросами разведки и контрразведки, а затем стал авторитетным экспертом в области организации военной связи. Преподавал в военной академии. Стал автором 37 книг и брошюр. Принадлежал к высшему комсоставу Красной армии, о чем свидетельствовали два ромба в его петлицах, соответствовавшие должности командира дивизии.

«Был отличный работник»¹⁸ — так после его скоропостижной смерти в 1933 году написал будущий маршал Тухачевский. Цейтлин умер за четыре года до начала Большого террора. Учитывая трагические судьбы коллег, сгоревших в его огне, можно осторожно предположить, что Василию Михайловичу повезло.

° 9, 10
Труды Василия Цейтлина.

° 11
В санатории.
Лето 1929 года.

1 Записки декабриста Н.И. Лорера / под ред. М.Н. Покровского; подготовила к печати и коммент. М.В. Нечкина; Коммунистическая академия. М.: Гос. соц.-экономич. изд., 1931. С. 331.
2 Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / Ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 9 (Литературные памятники).
3 Ганин А.В. «Теперешние

события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий...» Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина) // Родина. 2015. № 3. С. 110-115.
4 Цейтлин В.М. Дневник штабс-капитана. 1914-1918 / под ред. А.В. Ганина; подготовка текста, вступительная статья, комментарии, приложения А.В. Ганина. М.: Связь Эпох,

2021. С. 339.
5 Чехов А.П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1955. С. 444.
6 Куприн А.И. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1958. С. 263.
7 Цейтлин В.М. Указ. соч. С. 90.
8 Там же. С. 101.
9 Там же. С. 159.
10 Там же. С. 16.
11 Там же. С. 17.

12 Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1962. С. 254.
13 Новейшее исследование вносит некоторые ограничительные коррективы в это категоричное утверждение: Смирнов А.А.; И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. Рязань, 2010 // Русский Сборник: исследования по

истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XIII. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 420.
14 Цейтлин В.М. Указ. соч. С. 117.
15 Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1964. С. 60.
16 Цейтлин В.М. Указ. соч. С. 203.
17 Там же. С. 323.
18 Там же. С. 52.